

Чтобы помнили...

Национальная научная библиотека РСО-Алания

Инновационно-методический отдел

СОРОК ШЕСТАЯ ВЕРШИНА

(К 80-летию со дня рождения Германа Гудиева)

МАТЕРИАЛ В ПОМОЩЬ БИБЛИОТЕКАРЯМ

Владикавказ, 2019

Составитель: Караева Р.Т.

Редактор: Абаева Л.Б.

Ответственный за выпуск: Хайманова И.А.

Сорок шестая вершина [Текст]: К 80-летию со дня рождения Германа Гудиева : материал в помощь библиотекарям / ННБ РСО-Алания, Иннов. – метод. отдел; [сост. Р.М. Караева; ред. Л.Б. Абаева] . – Владикавказ : Colibri, 2019 . – 24 с. : ил. – (Серия «Чтобы помнили...»).

© Р.Т. Караева, 2019

©Мт. ННБ «Colibri», 2019

*На свете есть тысяча правд,
а в искусстве — одна правда,
это — правда таланта».*

В. Шаламов

*Умолк Поэт. Но остаются строки
Свидетельством разрывов и ночей,
Когда в губах сплетаются упрёки.*

Борис Кушнер

Поэт, прозаик, публицист, кинорежиссер, киносценарист, член Союзов кинематографистов, писателей и журналистов России, почетный кинематографист России, заслуженный деятель искусств РСО-Алания, лауреат Государственной премии им. К.Л. Хетагурова.

Все это — Герман Гудиев. Грани его таланта не перестают удивлять.

В 2019 году ему исполняется 80 лет. Несостоявшееся 80-летие. Невозможно представить Германа стариком. Он всегда был феноменально молод. Даже в свои 68, когда его не стало, он оставался мальчишкой. Герман Гудиев родился во Владикавказе. Окончил ВГИК. Учился у лучших мастеров кино Советского Союза. Таких как Роман Кармен. Это было замечательное время, время Шпаликова и Кончаловского, Шукшина и Тарковского... ВГИК... Особый мир, в то время — как глоток свежего воздуха, уникальное место, островок творческой свободы в тоталитарном государ-

стве. Это было время «хрущевской оттепели», которое принесло в среду молодежи западную литературу и музыку, зарубежный авторский кинематограф, итальянский неореализм и французскую «новую волну». Время поэтических вечеров в Политехническом и собиравшихся у памятника Маяковскому любителей поэзии. Это время очень образно назвал Максим Гуреев, «*атмосферой поэтического неистовства*» в своей книге «Иосиф Бродский. Жить между двумя островами», а Дмитрий Быков определил его как «*состояние шестидесятилетнего упоения*». Все это, конечно, не могло пройти мимо Германа. Его, как художника, творческую личность сформировала именно эта среда. Он жадно впитывал все новое, ранее неизведанное, и читал, и читал, как будто старался наверстать что-то упущенное, чтобы соответствовать и быть на равных с теми, кто его окружал.

После учебы в Москве вернулся в Осетию, работал на студии телевидения и студии кинохроники г. Владикавказа.

Герман – автор сценариев всех своих фильмов, среди которых «Еще шаг назад» (1976), «Коста Хетагуров» (1978), «Поиск» (1981), «Композиция» (1987), «Кайсын» (1987), «Сон» (1991), «Притча» (1992), «Ярость и мольба» (1993), «Портрет на фоне гор» (1994). Уже первая его дипломная лента о строительстве Транскама стала призером всесоюзного кинофестиваля в Ереване. Он снял первый в Осетии полнометражный документальный фильм о Коста. Он сказал о нем так, как мог

сказать только поэт о поэте. А какой потрясающе художественный фильм снят о Мише Чочиеве! Именно художественный. Он, документалист, снимал как истинный художник, стремившийся приблизить документальное кино к искусству. А его полный философского смысла фильм «Притча», ищущий ответы на вечные вопросы: «Кто мы? Зачем мы пришли на эту землю?»

Герман Гудиев был художником с остро развитым эстетическим чувством и обладал своим, глубоко личным пониманием гармонии и соразмерности вещей. Все это зижделось на прочном фундаменте – на древней истории и культуре своего народа и ярко раскрылось в студенческой ленте «Портрет без багета». Уже одно название говорит о глубоком понимании истинных ценностей. Он показал гениального художника Азанбека Джанаева, который, по его словам, *«... был художник-мыслитель масштаба таких корифеев, как Сикейрос или Пикассо...»*, в домашней обстановке, за таким обыденным делом, как бритье, не обращающего внимания на праздничную первомайскую суету, на радостно гремящие марши и лозунги, несущиеся из динамиков и заполняющие весь город. Вот уж, воистину, настоящее искусство суеты не приемлет, большому художнику, как гениальной картине, украшение в виде дорогого багета не нужно.

В фильме «Сон» – о ярчайшем представителе наивного искусства Хаджумаре Сабанове – Герман так раскрыл удивительный мир простого труженика, человека буквально от сохи, от земли, с каким-то непо-

нятно откуда взявшимся философским мирозерцанием, он так показал гармонию души, слившуюся с природой, людьми, что зрителя не покидает ощущение вечности, незыблемости и правды жизни.

Полная гнева и правды трилогия о трагедии карачаевцев и балкарцев «Кайсын», «Клеймо на скале» и «Мольба и ярость» стала его личным приговором бесчеловечности тоталитарной машины. Это был поступок и художника, и человека.

Уже первые его ленты говорили о том, что в осетинское документальное кино пришел не просто талантливый человек, а режиссер со своим представлением обо всем, со своим видением мира. Все его фильмы авторские. Это его, особенный, германовский взгляд на реальность, героя, событие...

Он бесконечно любил людей, о которых писал и которых снимал, к которым проникался он и которые проникали к нему в душу. Михаил Литвяков, один из мэтров документального кино, учившийся, кстати, в одно время с Германом, говорил: *«...нужно уметь достучаться до своего героя. Без человеческого контакта режиссер как художник не существует...»*. У Германа такой контакт был. Кроме колоссального таланта, он обладал огромным обаянием. Он любил своих героев, они были ему интересны и становились его друзьями на всю жизнь. Наверное, в этом был секрет успеха. Он снимал, как жил – яростно, взхлеб, боясь не успеть, боясь опоздать. Эту черту характера очень образно отметила Ирина Гуржибекова в эссе,

посвященном его памяти: «...Он делал пять вздохов в то время, как другие – один». За 30 лет работы на Северо-Кавказской киностудии им было снято более 100 сюжетов для киножурнала «Северный Кавказ», создано более 20 документальных кинолент.

Его фильмы несут в себе сложную поэтическую систему образов. Марк Блиев в статье «Простые слова о Германе Гудиеве» рассказал о том, как Герман требовал сделать съемки горной панорамы: «Когда оператор принялся за съемку, раздалось громкое: «Стоп». Герман стал объяснять оператору: «Ты когда-нибудь видел снежинку?» Оператор кивнул. «Ты когда-нибудь видел узоры на зимнем окне? Так вот, точно такая же, как у снежинки, как у узора на окне, гармония существует у гор. Поймай эту гармонию и сними мне ее». Но, при этом, поэтизация – через гиперреалистичное повествование камерой. Правда должна была быть во всем. «Документальное кино, и хорошее и плохое, прежде всего – правда, всегда непогрешимая...», - писал Герман в очерке о своем учителе Романе Кармене. И эту правду он добывал, порой, рискуя жизнью. Бывали случаи, когда с ним отказывались работать операторы. Так, например, случилось на съемках фильма «Еще шаг вперед», когда он с единственным оставшимся с ним оператором, кинорежиссером и близким другом Султаном Цориевым, снял мощный взрыв на расстоянии... 30 метров.

Кино было профессией. А чем была для Германа поэзия?

Пожалуй, поэзия была главной неотъемлемой частью его жизни. При всей многогранности он был, в первую очередь, поэт, а потом уже все остальное.

*Кумир толпы или изгой в пустыне,
кто б ни был – безымянный, словно смерть,
стихами жил,
стихами, только ими,
дышал я ими, чтоб не умереть...*

К своему поэтическому дару он относился очень серьезно. Ирина Гуржибекова вспоминает, как он впервые появился в редакции газеты «Социалистическая Осетия»: «*Не будете печатать – не надо! ... Я и так знаю, что я поэт*». Уверенность ему была присуща всегда. «*Я Герман Гудиев! Я – гений?*». И невольно вспоминается: «*Я, гений Игорь Северянин*». Это бывало сказано как бы шутя, больше вопрос, нежели, утверждение. Однако, он действительно знал себе цену. Писать начал рано.

*Копна волос
и худенькая шея,
худые пальцы, ручка и тетрадь...
Стихи писать в пятнадцать не умея,
не смея их потом публиковать*

Он, автор четырех поэтических сборников – «Молчание», «Горы в Коби», «Клятва вершин», «Бездна»,

создавший свой собственный уникальный поэтический мир. Его поэзия безусловно оригинальна. Она потрясает неистовой ритмикой, шаманским звучанием, необычайно яркой образностью, не перестающей удивлять метафоричностью. Ирина Гуржибекова писала: «...принес стихи, очень свои, без намека на подражательство. Какой-то резаный стиль, скачки ритма, неприглаженные рифмы... Но мысль, но образ!..».

*Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет – и с места сдвинут,
И заживо схоронит. Вот что стих...*

*Стихи мои – бесценный хлам,
но,
как вулкан до капли лаву,
я жизнь свою отдал стихам!*

Именно поэзия была для него главным способом выражения своей личности. В ней раскрывался его характер, бескомпромиссный, дерзкий и не всем и не всегда удобный.

*Послушником? – Таким я не родился.
Скандальным? – Пусть другой, кто послабей.
Реклама? – Я поэт, а не актриса.
Сочувствие? – Лавину не жалей.
Признание? – Я знал, чего я стою.*

*Хула? – А я своим врагам не друг.
И так всегда, покуда будут горы,
В которых я родился и умру.*

«Хороший поэт тем и отличается от плохого, что все его стихи отмечены печатью личности – значительной, законченной, многогранной», – эти слова Томаса Элиота удивительным образом отражают суть творчества Германа.

*Мой стиль, как сталь, кипящая в мартене, –
Я не могу мудрить в тиши ума...
Мятежным, неприступным и усталым –
я раскален! Другим быть не привык.*

В поэзии он тончайший лирик:

*Свежесть предчувствия,
свежесть намека,
неба, упавшего с хрустом в глаза...*

*Потише!
Болдинская осень...
Прямая стая холодных сосен
и тихо падающий лист,
под ветром – вверх,
без ветра – вниз...
Ежевика в корзине-*

*Чернильны подтеки,
и реснички на той ежевике дрожат...
Петух в сарае спел псалом...
Неповторима прелесть утра!
Так призрачно, прозрачно, хрупко
и, рассыпаясь перламутром,
дрожит и дышит солнца ком...*

и глубокий философ:

*Я не знаю, где маски, где лица,
Где ристалище зла и добра...
Я поднялся на гору, молиться,-
Неизменна для смертных гора!
Шел с молитвой, такой же извечной
Как извечна громада горы...
и гражданин, и патриот -
Не обменял бы даже плаху
на волю на чужой земле...*

Благоговейное отношение к женщине - еще одна грань его личности. Женщина для него и безудержная страсть, и душевный порыв, и безумное желание.

*Ошеломительна!
Внезапна!
Смерч!
Крик!
Нож!*

Ток!

Огонь!

И совершенно удивительная, обволакивающая
нежность в следующих строках:

*Спит женщина, спит нежная печаль,
кудесница наивнейших советов...
Ее как будто ветер укачал,
бесшумно
проплывающий меж веток...
Создатель!*

Погляди - чудесный миг!

Она

как бы парит

на хрупком ложе...

*О, юный ветерок! Скорей замри
в томительной истоме невозможной...*

Какое восхищение передает он в следующем
стихотворении:

*Я не забуду образ этой женщины –
порывистой и в то же время сдержанной,
суровой, полной выстраданной нежности,
и родниковой чистоты, и свежести...*

Это трепетное чувство к женщине воспитала в нем
его мать, любовь к которой была безгранична. О ней
он пишет тепло и нежно. Мама и воспоминания
детства неразделимы.

*Мысль и ощущение!
Первое всегда –
утром, рано – рано,
крик в улыбке рта:
«У меня есть мама!»*

В этих строках радостное детское мироощущение, беззаботность, защищенность, состояние абсолютного счастья. Мама для него олицетворение чистоты и всего самого светлого: «Я мать люблю, она – святая...», «... душа ее источник света...».

*Ладони мамы пахли домом,
овечьим сыром, молоком...
Ладони мамы пахли светом
твоих одежд,
Иисус Христос...*

Какая-то запредельная нежность, и осознанная грусть, связанная с пониманием того, что значила мать в его жизни, звучит в строках:

*Такая трепетная старость
у мамы, господи, прости...
Ни капли больше не осталось
от сумасшедшей красоты...
...И неизбывна в ней духовность,
что освящает каждый шаг...*

Смерть матери он переживал тяжело, вернее он ее так и не смог пережить. Сам он об этом писал: *«Меня сильно подкосила смерть матери. Я ее любил почти патологически и был ее смертью почти уничтожен. О матери я писал стихи и прозу. Мечтал издать книгу, посвященную ей»*.

И еще *«одна, но пламенная страсть...»*, любовь к Родине. Вся поэзия Германа пронизана любовью к Осетии. Любовь эта – без конца и без края.

*Без визы мог рвануть, я шустрый парень,
Туда где жизнь, как сказка хороша,
Но с колыбели так к горам приварен -
Не разглядишь ни трещины, ни шва.*

*Земля отцов – святая рана...
нежна ладонь шершавых скал,
и ветер, жесткий и непряный
любить всей грудью не устал.*

Он бесконечно любил горы, тема гор была основной в его творчестве. Они им очеловечены, они его восхищают, они захватывают, в них он находит полную гармонию.

*Стихию гор не выдюжат стихи,
Тугая мощь ее неодолима!*

Восхищение природой гор в каждой строчке:

*Здесь тень орла к земле сгибает ветки,
и дикий тур, захлебываясь, пьет*

*И бездну неба, и свистящий ветер,
И воду гор, холодную, как лед!*

*Я горы, нет, не одухотворял,
я знал, что камень – это просто камень...
Но вот передо мной стоит Дарьял,
как Зелимхан с худющими плечами!*

В стихотворении «Лани» он с такой любовью описывает их, трепетных, летящих, что невольно проникаешься красотой утра в горах, начинаешь понимать, как божественно совершенна природа.

*То было летом, утром ранним...
Они летели над горами,
не задевая даже камни
своими тонкими ногами.*

Через все творчество художника проходит тема свободы и несвободы.

Превыше всего он ценил личную свободу. При этом, в жизни – прямой, вспыльчивый и горячий, Герман в своем искусстве никогда не высказывался прямолинейно, ведя скорее спокойный философский разговор о внутренней свободе личности. Быть может, эту свободу он находил в горах. Ведь здесь можно парить в облаках, в горах нет спешки, городской суеты, есть время созерцать и думать.

*Из пекла, чада, пыли,
из крика, скрипа, визга тормозов*

*я вырвался в аул, под купол синий
с отарой чистокровных облаков...*

Но горы для него не только место, где он находит душевное спокойствие.

Он относится к ним, как к людям. Горы в его фильмах живые существа, действующие герои. Тамара Хетагурова в статье «Фильмы – узники Германа Гудиева» писала: *«В «Притче» и горы философствуют. Или молчат многозначительно. Или плачут. Они, по автору, лишь фрагмент жизни Вселенной, имеющей самое прямое отношение к человеку. Он взбирается по ним, достигая высот, он и падает с них, превращаясь в ничто. Герман искал для «Притчи» горы. Форма островерхих скал, разная степень окисления породы – все должно было работать на авторскую идею. «Я искал в них иероглифы, суры Корана, строки Библии...».*

*Не камни это и не валуны,
не скалы,
не хребты,
не кряжи –
фрески!
На фресках этих предки мне видны
до боли, все, отчетливо и резко!..*

Легендарному Владимиру Белиловскому, отдавшему жизнь горам Приэльбрусья, принадлежит замечательная фраза – «Горы зовут тех, чья душа им по росту».

Душа Германа была по росту самым высоким вершинам.

Его мятущаяся душа художника рвалась к вершинам! «Клятва вершин» – так назвал он один из поэтических сборников, в котором как заклинание звучит:

*Горы –
окаменевшая готика духа!..
...Клятва вершин!
Я верю ей, как каменной могиле...*

И свою главную книгу он назвал «Вершины», которая была, как он сам говорил, трудом всей его жизни. Книга «Вершины» вышла в свет в 2003 году и сразу стала событием в литературной жизни республики. Она посвящена людям, принесшим славу Осетии, и которые, по словам самого автора, «достойны восхищения и никогда забвения».

«Мыслящего интересует все многообразие Земли и Вселенной, но в абсолютной мере человека волнует и вдохновляет феномен Человека!..», – так начинается предисловие к своей книге Герман Гудиев.

«Вершины» – это не просто портреты выдающихся людей. Это его мировосприятие, мироощущение, переосмысление мира, времени, в котором жили и живут люди, которые были ему бесконечно дороги. Ирина Гуржибекова в статье «Ушел, чтобы остаться» сказала, что он не признавал авторитетов. Это, по-моему, в корне не так.... А кем же были для него те, о ком он

писал, о ком снимал? Ему не был присущ пафос, но зато были присущи восторг, восхищение, преклонение. Он нарушил одну из главных христианских заповедей: он сотворил кумиров для себя, для нас, его современников, и для будущих поколений.

Коста и Пушкин, Ладо Бестаев и Флаэрти, Азанбек Джанаев и Дали, Игорь Дзахов и Маяковский, Тимур Кибиров и Блок, Хемингуэй, Феллини, Роман Кармен, принцесса Диана, Альбина Баева... Какой разброс, какие разные люди, какие разные миры! И все они ему интересны, и каждый из них, в той или иной степени, своим творчеством изменил что-то в этом мире к лучшему. Все они для Германа те, от которых «...исходят свет и тепло и никогда – леденящие душу холод и ненависть». Он обладал удивительным даром проникать во внутренний мир своих героев и использовал этот талант в раскрытии подлинной сущности каждого сквозь призму их творчества.

Именно через творчество, а никак иначе, он рассматривает композитора Илью Габараева. *«Габараев – человек вызывал разные чувства. Габараев – творец совершенен!»*. Такое же восхищение звучит в очерке, посвященном Феликсу Алборову. *«Об Алборове можно говорить вечность, ибо сама вечность в музыке Алборова говорит с нами, ведь она – знамение, благая весть о еще одной победе света над вековечным невежеством большинства из нас...»*. А какие полные философского смысла размышления о творчестве Хаджумара Сабанова!

Его эссе «За нас с вами!» это гастрономическая поэма, это шедевр не меньший, чем те кулинарные изыски, о которых он с восхищением пишет.

Настоящий возвышенный гимн еде, но замешанный не на любви к обильной пище. Это восторг поэта, живописующего изумительный натюрморт. Какие метафоры, какие образные сравнения! Только поэт может сказать об известном всем напитке: – «...этот жидкий хрусталь без запаха и послевкусием, в котором натиск и сдержанность, легкое покалывание и непредсказуемая нежность нектара...». Или: – «...хлеб с духом охульным, как желание, и святым, как молитва...».

И что там Пушкин с его

*«...И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым»,*

и Гоголь с его «решительным обедом» помещика Петра Петровича Петуха и хлебосольными старосветскими помещиками, и Гиляровский с описаниями меню московских трактиров.

«Если бы судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом – поваром!» – говорил Аксаков. Не знаю, можно ли сказать то же самое о Германе, но то, что к застолью он относился трепетно как к ритуальному священнодействию – это правда. Тамадой был замечательным, застолье вел артистически, соблюдая традиционный этикет. При этом, глав-

ным в этом действе всегда был разговор об искусстве, о природе творчества, о поэзии и просто о жизни.

Проза Гудиева – это проза поэта, она неотделима от его поэзии, такая же выразительная, экспрессивная, такая же образная и метафоричная.

О сборнике «Вершины» замечательно сказал журналист Евгений Пантелеев: *«То, что издал Герман Гудиев, то, что явилось плодом его многолетних трудов, – это Книга с большой буквы. Это явление не только осетинской, но и российской литературы».*

И еще одна грань таланта, без которой портрет Германа Гудиева был бы незавершен. Это дар публициста. Публицистика – неотъемлемая составная часть его творческого наследия. Его статья «Размышления о качестве жизни» это глубочайший анализ нашего с вами несправедливого жития. Он тяжело переживал все то, что происходило в стране. Его волновало и такое позорное явление как «челночество», которым вынуждены были заниматься учителя и врачи, те, кого он называл «совестью нации», и унижительное положение художников, кинематографистов, музыкантов, писателей, людей, которые, как он пишет, *«в уважаемых странах – элита, у нас – холопы подворья...»*, и межнациональная рознь на всем постсоветском пространстве. Ему, человеку с планетарным мышлением, межэтнические распри были чужды: *«Человек не твоей нации должен вызывать у тебя, если ты человек сам, чувство уважения, внимания, а не подозрительности к нему, ибо он представляет собой культурные пласты своего народа. Тогда проис-*

ходит процесс взаимообогащения, а не отторжения... Нищий, который дарит – царь. Царь, который отнимает – нищий».

Но больше всего его как большого художника беспокоит духовный вакуум, который царит в обществе; он не мог оставаться равнодушным к тому, что нравственность и духовность превращаются в пустой звук. *«Еще совсем недавно важнейшей характеристикой человека было слово «порядочный», сегодня куда весомее и значительнее понятие «удачливый предприниматель», – размышляет он.*

В одном из интервью на вопрос журналистки о том, останется ли место для вечных ценностей в отношениях между людьми, он ответил: *«Это зависит только от нас самих. К счастью, всегда были и есть люди, способные стать нравственным ориентиром для всех последующих поколений. К таким, безусловно, относится Коста Хетагуров, постигнуть всю глубину и сложность натуры которого мы вряд ли сможем. Сегодня такие люди с ужасом смотрят на то, как стремительно стираются грани, отделяющие нравственное от безнравственного, теряется способность отделять хорошее от плохого, а система понятий меняется так, что многое, еще недавно вызывавшее отвращение, позже воспринимается как вполне естественное. Не переходить на темную сторону не так сложно, нужно лишь, просыпаясь в новый день, понимать, что сегодня, как и каждый день и час, ты сдаешь экзамен перед собой, людьми и Богом, перед памятью*

своих предков и перед лицом своих потомков». Эти слова есть его кодекс чести.

Очерк, посвященный Азанбеку Джанаеву, он завершает так: *«В ареопаге осетинских богов у меня их, как на картине Васнецова с витязями, – трое. Это Коста Хетагуров, Махарбек Туганов и Азанбек Джанаев... На этих троих стоит Осетия».*

Этот священный пантеон можно продолжить еще многими достойными именами. Ведь продолжил его замечательный Аслан Арчегов, сказав, о нашем современнике: *«Казбек Хетагуров, которого я ставлю на третье место после Туганова и Джанаева среди осетинских мастеров, – это великий национальный художник».*

В этом ряду достойное место займет и Герман Гудиев. Ибо, как сказал Иосиф Бродский: *«Лучшее, чем обладает каждая нация, – это ее язык. И лучшее в любой литературе – поэзия. И из этого следует, по крайней мере, на мой взгляд, что хороший поэт является сокровищем нации».*

P.S.

Я ухожу...

Что хлопнуть дверь? –

Ведь жил, наверно, наяву...

Но и по смерти не поверю,

что я отныне не живу...

Да, все живущие – бессмертны! –

Так неизбежна вера в жизнь!

*И ржавые на двери петли
скрипят:
Ты – умер! Но держись!..*

Жизнь Германа продолжается в его фильмах, книгах, стихах, в друзьях, во всех, кто его знал и любил.

И еще. Известный искусствовед, исследователь русского авангарда Кантор-Казовская в статье, посвященной памяти Оскара Рабина, писала: *«Мне хотелось когда-нибудь написать об Оскаре Рабине, но не книгу, не подробное исследование, а что-то другое, наверное, просто выкрикнуть, какой он важный для меня и всех нас художник.»*

Вот и мне очень хотелось...

ЛИТЕРАТУРА

Гудиев, Г. Бездна. [Текст] / Г. Гудиев . – Владикавказ: Ир, 1991 . – 133 с.

Гудиев, Г. Горы в Коби [Текст] / Г. Гудиев . – Орджоникидзе: Ир, 1980 . – 54 с.

Гудиев, Г. Вершины [Текст] / Г. Гудиев . – Владикавказ: Ир, 2003 . – 228 с.

Гудиев, Г. Клятва вершин [Текст] / Г. Гудиев . – Орджоникидзе: Ир, 1984 . – 74 с.

Гудиев, Г. Молчание [Текст] / Г. Гудиев . – Орджоникидзе: Ир, 1972. – 60 с.

Гудиев, Г. Размышления о качестве жизни. Моей. Нашей. Общей [Текст] / Г. Гудиев // Северная Осетия . – 1997 . – 30 августа.

Блиев, М. Простые слова о Германе Гудиеве [Текст] / М. Блиев // Северная Осетия . – 2009 . – 9 апреля.

Галазов, Р. Цена прозрения. О Германе Гудиеве из далекой Испании [Текст] / Р. Галазов // Северная Осетия . – 2009 . – 25 июля.

Герман Гудиев. Память [Текст] / Сост. З. И. Касаева-Цогоева. – Владикавказ, 2009.

Гуреев, М. Иосиф Бродский. Жить между двумя островами [Текст] // Режим доступа: [www. https://-www.litres.ru/maksim-gureev/iosif-brodskiy-zhit-mezhdu-dvumya-ostrovami/chitat-online/page-5/](http://www.litres.ru/maksim-gureev/iosif-brodskiy-zhit-mezhdu-dvumya-ostrovami/chitat-online/page-5/).

Гуржибекова, И. Ушли, чтобы остаться навсегда [Текст] / Г. Гуржибекова // Осетия. Свободный взгляд. – 2007. – 31 июля.

Гуржибекова, И. Уметь помнить – привилегия немногих [Текст] / Г. Гуржибекова // Осетия. Свободный взгляд. – 2009 . – 14 апреля.

Карпенко, Л. Обнимем родину и взглядом и душой [Текст] / Л. Карпенко // Северная Осетия . – 1994 . – 14 октября.

Коваленко, Е. Восхождение к вершинам [Текст] / Е. Коваленко // Северная Осетия . – 2004 . – 25 сентября.

Коваленко, Е. Разглядеть главное - скоротечный [Текст] / Е. Коваленко // Северная Осетия . – 2004 . – 25 сентября.

Сохова, Л. О Добре и Зле...почти по-маяковски [Текст] / Л. Сохова // Северная Осетия . – 2007 . – 4 апреля.

Тегкаева, В. Феномен человека [Текст] / В. Тегкаева // Слово . – 2003 . – 1 ноября.

Хетагурова, Т. Фильмы – узники Германа Гудиева [Текст] / Т. Хетагурова // Северная Осетия . – 1992 . – 11 августа.

Хозиев, Б. Талант и время [Текст] / Б. Хозиев // Дарьял . – 2009 . – №1 . – С. 136-149.